

ТЕНЬ ДОСТОЕВСКОГО

Матвей Баранов
Тень Достоевского

«Автор»

2026

Баранов М. Н.

Тень Достоевского / М. Н. Баранов — «Автор», 2026

Петербург. Наши дни. Кто-то воспроизводит убийства из романов Достоевского с пугающей точностью — от топора и медных монет «Преступления и наказания» до отравленных идей «Братьев Карамазовых». Следователь Артём Герасимов, привыкший доверять только фактам, вынужден обратиться за помощью к эксцентричному филологу Алисе Морозовой. Она убеждена: это не серия преступлений, а философский спектакль, где каждая смерть — извращённый урок о природе зла и справедливости. Пока убийца выстраивает свой мрачный сюжет, Герасимову предстоит не только разгадать замысел, но и ответить на главный вопрос — чью сторону он выберет, когда сам станет персонажем чужой истории. Данная книга - это возможность переосмыслить Достоевского, увидев его героев и идеи не как музейные экспонаты, а как живую, пугающую реальность. Это книга о том, что философские вопросы о свободе, совести и вере, заданные 150 лет назад, сегодня стоят еще острее.

© Баранов М. Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Акт первый. Преступление и наказание	7
Акт второй. Идиот	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Матвей Баранов

Тень Достоевского

Пролог

Сентябрь, за десять дней до первого убийства

Петербургская осень не терпит полутонов. Она либо заливает город беспросветной серой моросью, либо обрушивает на прохожих порывы ледяного ветра с залива, либо — как в этот вечер — стелет по мостовым густой, жёлтый, почти осязаемый туман, в котором фонари кажутся размытыми глазницами древних идиолов. Город в такие часы становится похож на наваждение. Или на черновик романа, который ещё не дописан.

В одной из квартир старого дома на Садовой улице горел свет. Окно выходило во двор-колодец — типичный петербургский колодец, где звуки живут собственной жизнью, а эхо повторяет слова по несколько раз, словно передразнивая. В комнате, обставленной почти аскетично, не было ничего лишнего: железная кровать, застеленная серым армейским одеялом, письменный стол у окна, стеллаж с книгами. Все книги были расставлены по тщательно продуманной системе, но один том лежал отдельно — на столе, под лампой с зелёным абажуром.

«Преступление и наказание». Издание 1973 года, с пожелтевшими страницами и загнутыми уголками. Книга была раскрыта на сцене убийства старухи-процентщицы.

Человек, сидевший за столом, не читал. Он перечитывал. Его пальцы медленно скользили по строчкам, иногда останавливаясь, чтобы подчеркнуть простым карандашом отдельные слова. «Тварь я дрожащая или право имею?» — это было подчёркнуто дважды. Чуть ниже — «Ведь надобно же, чтобы всякому человеку хоть куда-нибудь можно было пойти». И снова — «Страдание и боль всегда обязательны для широкого сознания и глубокого сердца».

Он поднял голову. Лицо его оставалось в тени, за пределами светового круга от лампы. Только руки были освещены — длинные, нервные пальцы с побелевшими костяшками. На левой руке — тонкий белый шрам, пересекающий ладонь наискосок, словно кто-то когда-то перерезал ему линию жизни.

На краю стола лежала фотография. Мужчина лет пятидесяти, с холёным, самодовольным лицом и прилизанными волосами. На обороте снимка аккуратным почерком было выведено: «Виктор Савельевич Громов, генеральный директор МФО “Дарим деньги”. Адрес: ул. Титова, дом 133, квартира 54. Распорядок дня прилагается».

Человек взял фотографию и поднёс к лампе. Свет упал на его глаза — серые, почти бесцветные, с расширенными зрачками, в которых не было ни злобы, ни безумия. Только глубокая, сосредоточенная, почти молитвенная убеждённость.

— Вот ты и попался, Виктор Савельевич, — прошептал он, и голос его прозвучал почти ласково. — Ты, наверное, думаешь, что ты — вершина пищевой цепочки? Что твоё МФО, твои триста процентов годовых, твои разорённые старухи — это просто бизнес? Нет, дорогой. Это уже не бизнес. Это материал.

Он аккуратно положил фотографию обратно и взял со стола старую записную книжку в кожаном переплёте. Открыл её на первой странице, где тем же каллиграфическим почерком было выведено:

«Проект “Тень”.

Цель: не наказание. Цель — демонстрация.

Метод: следование букве, но не духу.

Первая сцена: “Преступление”.

Вторая сцена: “Идиот”.

Третья сцена: “Бесы”.

Четвёртая сцена: “ Подросток”.

Финал: Братья Карамазовы».

Под этим списком был приклеен газетный снимок. На нём двое мужчин стояли у парапета канала Грибоедова. Один — в форме следователя Следственного комитета, с усталым, замкнутым лицом. Второй — пониже, в штатском, что-то говорил, жестикулируя. Заголовок гласил: «Следователь столичного СК Артём Герасимов: “Раскрываемость тяжких преступлений в Петербурге достигла исторического максимума”».

Человек провёл пальцем по лицу Герасимова на фотографии.

— А вот и ты, Артём Сергеевич. Ты будешь моим читателем. Самым внимательным. Самым пристрастным. Ты ещё не знаешь, но мы с тобой уже связаны. И ты, и я — мы все давно уже не просто люди. Мы — персонажи. А этот город — наша сцена.

Он захлопнул книжку и встал. Тень его легла на стену — огромная, искажённая, почти фантастическая. В этой тени не было ничего человеческого. Казалось, за его спиной стоит кто-то ещё.

За окном, в густом октябрьском тумане, часы на башне бывшей городской думы пробили полночь. Звук разнёсся по каналу, ударился о стены домов, рассыпался на сотни осколков и затих, словно захлебнувшись собственной гулкостью.

Человек погасил лампу. Комната погрузилась во тьму.

Где-то далеко, на улице Титова, в квартире номер пятьдесят четыре, Виктор Савельевич Громов допивал вечерний коньяк и смотрел фильм. Он ещё не знал, что часы его сочтены. Он ещё не знал, что на его пороге скоро появится тень. И что эта тень — всего лишь первая.

Петербург спал тревожным, лихорадочным сном. Над его крышами, над его каналами и дворами-колодцами, над его живыми и мёртвыми — незримо, но неотвратимо — сгущалась та самая тень, о которой когда-то писал человек, чьё имя теперь носит улица, станция метро и самая загадочная болезнь русской души.

Тень Достоевского пробудилась.

И она была голодна.

Акт первый. Преступление и наказание

Суббота, семь часов утра. За десять дней до того, как всё началось, Артём Герасимов ещё верил, что мир устроен просто. Что у каждого преступления есть мотив, способ и возможность. Что зло — это отклонение от нормы, а не сама норма, надевшая маску.

Он ошибался.

Дождь зарядил с ночи и к утру не ослабел. Он барабанил по жестяному козырьку над входом в здание Следственного комитета на набережной Фонтанки, стекал грязными ручьями по водосточным трубам, размывал окурки и осенние листья в чёрную кашу под ногами. Артём Герасимов поднял воротник плаща и, перепрыгивая через лужи, взбежал по ступеням служебного входа.

В коридоре было тихо — субботнее утро, оперативники досыпали после ночных дежурств. Из-за приоткрытой двери в комнату отдыха доносился запах растворимого кофе и чей-то храп. Герасимов кивнул дежурному, взял со стеллажа папку со сводками за ночь и направился в свой кабинет.

Кабинет был маленький, с окном во двор-колодец. В такие дворы в Петербурге не заглядывает солнце даже в июле, а уж в октябре здесь царил вечный, сырой полумрак. На стене висела карта города, утыканная разноцветными булавками — раскрытые и нераскрытые эпизоды. Красных в этом году было тревожно много.

Герасимов сел за стол, машинально поправил стопку бумаг — он терпеть не мог беспорядка — и открыл сводку. Мелкое хулиганство, семейная драка с поножовщиной на Васильевском, сгоревший автомобиль на Просвещения. Ничего серьёзного. Он откинулся на спинку стула и прикрыл глаза, позволяя себе несколько минут тишины перед тем, как город окончательно проснётся и начнёт исторгать из себя всё то тёмное, что копилось в нём за ночь.

Тишина продлилась недолго. На столе завибрировал телефон. Звонил оперативный дежурный.

— Артём Сергеевич, труп в элитном жилом комплексе на Титова, сто тридцать три, квартира пятьдесят четыре. Похоже, убийство.

Герасимов открыл глаза, встал и тишина ушла. Взял свой плащ, отпил уже остывший кофе и поехал по указанному адресу.

Дом номер сто тридцать три на Титова оказался мрачным зданием с архитектурой старого дворца и золочёными воротами. В холле пахло дорогим освежителем воздуха и чем-то ещё — тем особым, химическим запахом благополучия, какой бывает в местах, где люди платят за квадратный метр больше, чем его бабушка получала пенсии за год.

Лифт поднял Герасимова и бригаду криминалистов на четвёртый этаж. Дверь квартиры пятьдесят четыре была приоткрыта. На площадке уже топтался участковый — молодой, бледный, явно впервые попавший на тяжкое преступление.

— Следователь Герасимов, — Артём показал удостоверение. — Что здесь?

— Тело обнаружила консьержка, — участковый сглотнул. — Хозяин не выходил с вечера, не отвечал на звонки. Она поднялась, дверь была не заперта. Ну и... вот.

Герасимов шагнул в квартиру.

В прихожей горел свет. Тело лежало на полу, головой к двери, словно человек пытался бежать, но не успел. Мужчина лет пятидесяти, крупного телосложения, с залысинами и аккуратно подстриженной бородкой. На нём был дорогой домашний халат — шёлковый, бордовый, с вышитыми инициалами «В.Г.». Халат был залит кровью. Кровь успела потемнеть и загустеть, значит, смерть наступила несколько часов назад.

Причина смерти была очевидна: проломленный череп. Удар пришёлся в темя, чуть левее темени, и был нанесён с огромной силой. Орудие лежало тут же — обычный деревенский топор, брошенный на пол рядом с телом. Лезвие тускло блестело в свете лампы.

Герасимов присел на корточки, разглядывая орудие. Топор был старый, с деревянной рукоятью, какие продаются в любом хозяйственном магазине. Но что-то в нём было не так. Артём не сразу понял, что именно. Потом дошло: топор был абсолютно чистым. Ни следов ржавчины, ни зазубрин, ни намёка на то, что им когда-либо пользовались по назначению. Его купили специально для этого. Или — хранили специально для этого.

— Интересно, — пробормотал он.

Криминалист, уже работавший с телом, поднял голову.

— Артём Сергеевич, вы гляньте-ка вот на это.

Он указал пинцетом на пол возле левой руки убитого. Там лежали старинные карманные часы на цепочке — массивные, с потускневшим серебряным корпусом и гравировкой на крышке. Часы были старые, явно антикварные. Крышка приоткрыта, циферблат разбит.

И чуть дальше — россыпь монет. Медные, потемневшие от времени, рассыпанные веером, будто их выронили в падении. Герасимов насчитал двенадцать штук. Копейки. Старые, ещё имперской чеканки.

Он выпрямился и оглядел квартиру. Гостиная, кухня, спальня — всё в идеальном порядке. Никаких следов взлома, никаких признаков борьбы, кроме последнего, отчаянного рывка в прихожей. На журнальном столике — открытая бутылка коньяка, один бокал. Хозяин явно ждал гостя. Или гостя, которого не боялся.

— Личность установлена? — спросил Герасимов.

— Так точно. Виктор Савельевич Громов, генеральный директор и единственный учредитель микрофинансовой организации «Дарим деньги».

Герасимов поморщился. Название было ему знакомо. «Дарим деньги» гремел по всему городу — своими рекламными щитами, обещавшими «деньги за пятнадцать минут без справок и поручителей», и бесконечными судебными исками от разорённых заёмщиков. Полгода назад журналисты раскопали, что компания Громова выдавала займы под триста процентов годовых, загоняя в долговую кабалу стариков и малоимущих. Был даже сюжет на федеральном канале. Но Виктор Савельевич вышел сухим из воды — хорошие адвокаты, продуманные договоры, формально всё чисто.

— Значит, вот ты какой, — тихо сказал Герасимов, глядя на мёртвое лицо. — Многим ты, наверное, дорогу перешёл.

Он обернулся к участковому:

— Опросите консьержку подробно. Кто входил, кто выходил, были ли посторонние за последние двадцать четыре часа. Меня интересует любой человек, не проживающий в доме. И поднимите записи с камер видеонаблюдения.

— Тут такое дело, — участковый замялся. — Камеры в холле есть, но они не работают. Второй месяц как. Жильцы собрание никак не проведут, чтобы ремонт оплатить.

Герасимов усмехнулся. Классика.

Два часа спустя он уже сидел в своём кабинете и разглядывал фотографии с места преступления. Топор. Часы. Монеты. Всё это не давало ему покоя. Убийство выглядело не как спонтанная вспышка ярости, а как тщательно срежиссированная сцена. Убийца не просто убил. Он оставил подсказки. Но для кого? И с какой целью?

В дверь постучали. Вошёл старший оперативник майор Ветров — полный, усатый, с многолетним опытом и привычкой всё на свете решать через крепкое словцо и чашку чая с долькой лимона.

— Ну что, Артём Сергеевич, раскрыл уже дело? — он уселся на стул, не спрашивая разрешения. — Гляжу, ты уже с утра на выезде. Что за птица этот Громов?

— Крупный ростовщик. Врагов — полгорода. Клиентов разорил тысячи. Мотивов — вагон и маленькая тележка.

— Это хорошо, — Ветров почесал усы. — Значит, будем искать среди обиженных. Кому он конкретно насолил в последнее время? Может, угрозы были?

— Выясняем. Но меня другое смущает.

Герасимов подвинул к нему фотографию.

— Топор, часы, горсть копеек. Не находишь, что это напоминает?

Ветров посмотрел на фотографии с места преступления и пожал плечами:

— Убийство старухи-процентщицы? «Преступление и наказание»? Это любой дурак с школьным аттестатом знает. Может, маньяк какой-нибудь? Сейчас этих подражателей развелось — пруд пруди.

— Не маньяк. У маньяков нет такого холодного расчёта. Здесь всё выверено, продумано, начищено до блеска. Он хотел, чтобы мы увидели именно эту сцену.

— Тогда жди следующих. Если он играет в Раскольников, то это только начало.

Телефон на столе зазвонил вновь.

— Герасимов, — Артём поднял трубку.

— Артём Сергеевич, это оперативный. Тут такое дело... Вам звонят из университета. Девушка какая-то. Говорит, она знает, кто убил вашего ростовщика.

Герасимов и Ветров переглянулись.

— Соединяйте.

В трубке послышался женский голос — молодой, звонкий и до странности спокойный, словно речь шла не об убийстве, а о расписании лекций.

— Следователь Герасимов? Меня зовут Алиса Морозова. Я доцент кафедры русской литературы, специалист по Достоевскому. Вы сейчас сидите и разглядываете фотографии с места преступления и думаете: зачем убийца оставил там часы и монеты? Я отвечу. Он не «оставил». Он процитировал. И если вы немедленно со мной не встретитесь, следующее убийство будет ещё более... живописным.

Герасимов сжал трубку так, что побелели пальцы.

— Так. Стоп. Откуда вы знаете про часы и монеты? Информация ещё не проходила в прессу.

— Об этом уже давно во всех социальных сетях пишут. Я очень хорошо знаю Достоевского. Лучше, чем кто-либо в этом городе. И я знаю, как читать такие знаки. Жду вас в кафе «Бар Королевы» на Итальянской через час. Не опаздывайте — у вашего убийцы, судя по почерку, очень плотный график.

Она повесила трубку, не дожидаясь ответа.

Ветров присвистнул.

— Ничего себе барышня. Может, это сообщница? Или просто сумасшедшая?

Герасимов уже вставал, натягивая плащ.

— Не знаю. Но если она и правда знает Достоевского лучше всех в городе, то она пригодится. И она права насчёт графика, у нас действительно нет времени.

Кафе «Бар Королевы» пряталось в подвальчике на Итальянской улице, воссозданное по образцу знаменитого артистического кабаре Серебряного века. Внутри было сумрачно, пахло старыми книгами и крепким кофе. На стенах висели афиши и портреты поэтов, а за единственным в этот час занятым столиком сидела девушка.

Герасимов узнал её сразу. Молодая, лет двадцати пяти — двадцати шести, с копной непослушных тёмных волос, небрежно собранных в пучок. Одета она была в чёрную водолазку, длинную клетчатую юбку и массивные ботинки на шнуровке — явно не по погоде. На стуле рядом с ней лежал потрёпанный рюкзак, а перед ней на столе были разложены несколько томов в старых обложках.

— Вы пунктуальны, — она подняла голову, и Герасимов увидел её глаза — светлые, серозелёные, с тем странным, мерцающим выражением, какое бывает у людей, которые привыкли жить в мире идей, а не вещей. — Садитесь. Кофе?

— Я не пить сюда пришёл, — он опустил на стул напротив. — Вы обещали объяснить мне детали преступления.

— Это несложно. — Она пододвинула к нему раскрытый том. — «Преступление и наказание», издание 1973 года. Сцена убийства. Орудие — топор, «новый, с деревянной рукояткой». На месте преступления остаются заложенные часы — символ того, ради чего Раскольников совершил убийство. И монеты — у убитой было их немного, медные. Ваш убийца воспроизвёл детали с точностью литературоведа. Правда, с одной важной оговоркой.

— Какой?

Алиса провела пальцем по строчке.

— Раскольников убил старуху-процентщицу, потому что считал её «вошью», недостойной жизни. Это была его философская идея — проверить, «право имеет» он или нет. Но ваша жертва, Виктор Громов, не старуха-процентщица. Он — тот, кто сам разорял старух. Убийца инвертировал смысл романа. Он словно спрашивает: «А достоин ли жизни тот, кто наживается на чужой беде? Имеет ли право карать его тот, кто прочитал Достоевского?»

Герасимов откинулся на спинку стула. В голове у него щёлкнуло — именно это ощущение неправильности мучило его с самого утра. Сцена была скопирована филигранно, но жертва не подходила.

— Допустим, — сказал он медленно, — вы правы. Но зачем убийце это делать?

— Потому что это не просто убийство. Это пролог. — Алиса закрыла книгу и посмотрела ему прямо в глаза. — «Преступление и наказание» — только первая часть так называемого «великого пятикнижия» Достоевского. За ним следуют «Идиот», «Бесы», «Подросток» и «Братья Карамазовы». Ваш убийца, судя по оставленной им инсценировке, не остановится на одном романе. Он пройдёт по всем пяти. И каждое новое убийство будет страшнее предыдущего.

Герасимов почувствовал, как холодок пробежал по позвоночнику — тот самый холодок, который он привык подавлять годами рациональной работы. Но сейчас, в этом полуподвальном кафе, под пристальным взглядом странной девушки, подавить его не удалось.

— Откуда такая уверенность?

— Потому что я знаю этот почерк, — она достала из рюкзака папку с газетными вырезками. — Посмотрите. Четыре года назад в Лондоне было совершено похожее преступление — мужчина убил ростовщика, оставив на месте преступления томик Диккенса. Через месяц — второе, по «Оливеру Твисту». Его не поймали. Затем Москва, два года назад — инсценировка сцены из «Мастера и Маргариты». Тоже два эпизода, и тоже убийца исчез.

Герасимов взял вырезки. Статьи были на английском и русском, некоторые пожелтевшие, с оторванными краями.

— Вы следите за этим?

— Я литературовед, который специализируется на связях литературы и криминологии. Тема моей докторской диссертации — «Архетип преступления в русской классической литературе». — Она усмехнулась, но усмешка вышла невесёлой. — Видите ли, Артём Сергеевич, я всю жизнь изучала, как вымышленные герои совершают преступления. И теперь кто-то решил превратить мои исследования в реальность.

За соседним столиком звякнула чашка. Где-то на улице взвыла сирена — скорая или полиция, не разобрать. А в подвальчике на Итальянской двое людей сидели друг напротив друга, и между ними, невидимая, но уже осязаемая, сгущалась та самая тень, которую один из них отказывался признавать, а другая изучала всю свою сознательную жизнь.

— Если вы правы, — медленно сказал Герасимов, — то у нас есть не более чем несколько дней до следующего убийства. И убийца будет выбирать жертв, которые символически воплощают пороки, описанные в романах.

— Именно. Он не просто убивает. Он проповедует. Он хочет, чтобы мы прочитали его послание. И пока мы не поймём, что именно он хочет сказать, мы будем на шаг позади.

Герасимов посмотрел на книги, разложенные на столе, на старые часы с фотографии, которые теперь лежали у него в папке, на эту девушку, которая смотрела на него с вызовом и странным, почти пугающим пониманием.

Он не верил в судьбу. Он не верил в символы. Он верил в улики, в баллистику, в рапорты и протоколы.

Но где-то в глубине души, в том самом тёмном уголке, куда он запрещал себе заглядывать после того давнего, незакрытого дела, он уже знал: это расследование изменит всё.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Вы будете консультировать следствие.

— Неофициально?

— Естественно. У меня нет полномочий нанимать гражданских специалистов без санкции начальства.

— Это я и хотела услышать. — Она улыбнулась, и в её улыбке промелькнуло что-то такое же острое и опасное, как лезвие топора, оставленного в квартире на Титова. — Тогда начнём. Прямо сейчас. Расскажите мне всё, что вы видели в этой квартире. Каждую деталь.

Герасимов открыл папку, и они склонились над фотографиями. За окнами кафе сгустились сумерки, город зажигал первые огни, а где-то в лабиринте петербургских улиц человек с тонким белым шрамом на ладони уже готовил вторую сцену своего мрачного спектакля. Имя ей было — «Идиот».

Акт второй. Идиот

В романе «Идиот» Достоевский написал: «Мир спасёт красота». Но он не уточнил — какая красота и от чего именно спасёт. И есть ли спасение для тех, кто превращает красоту в товар, а милосердие — в рекламный слоган.

Убийца знал ответ. И он собирался показать его всем.

На следующее утро Морозова уже сидела в кабинете Герасимова и чувствовала себя как дома.

— Итак, — Алиса отодвинула все со стола и положила перед Герасимовым раскрытый томик «Идиота». — Что вы знаете об этом романе?

Герасимов поморщился. Он читал «Идиота» в университете на курсе «Русская литература XIX века», но помнил смутно: князь Мышкин, больной эпилепсией, возвращается в Россию, попадает в любовный треугольник, всё заканчивается плохо. Кажется, там ещё была какая-то сцена с ножом и убитая женщина. Но связывать это с убийством ростовщика ему пока не удавалось.

— Князь Мышкин — положительный герой, идеал человека, — начала Алиса тоном лектора. — Он приезжает в Петербург, чистый, как ребёнок, и сталкивается с миром лжи, страстей и лицемерия. В центре сюжета — две женщины: Настасья Филипповна, которую все считают падшей, и Аглая Епанчина, гордая красавица. В финале князь не спасает ни ту, ни другую. Рогожин убивает Настасью Филипповну ножом. Мышкин сходит с ума. Красота не спасает мир — она гибнет, растоптанная.

— И как это связано с нашим убийцей? — Герасимов нетерпеливо постучал пальцем по столу.

— Прямо. В первой инсценировке он перевернул «Преступление и наказание»: убил не жертву-процентщицу, а самого ростовщика, паразита, наживавшегося на чужой беде. Если следовать логике, во втором эпизоде он возьмёт жертву, которая воплощает собой ложную, показную красоту и фальшивую святость. Он убьёт того, кто притворяется спасителем, а на деле сам порочен. И сделает это по мотивам «Идиота».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.